

HISTORIA ROSSICA



Элла Сагинадзе

РЕФОРМАТОР
ПОСЛЕ РЕФОРМ

С. Ю. ВИТТЕ
И РОССИЙСКОЕ
ОБЩЕСТВО
1906 - 1915 ГОДЫ

Historia Rossica

Элла Сагинадзе

**Реформатор после реформ:
С.Ю. Витте и российское
общество. 1906–1915 годы**

«НЛО»

2017

УДК 323.35(47+57)
ББК 63.3(2)52-283.1

Сагинадзе Э.

Реформатор после реформ: С.Ю. Витте и российское общество. 1906–1915 годы / Э. Сагинадзе — «НЛО», 2017 — (Historia Rossica)

ISBN 978-5-4448-0815-3

Почему в России до сих пор нет памятника С.Ю. Витте? Сделавший головокружительную карьеру благодаря своим талантам, а не рождению, этот российский деятель был архитектором крупнейших экономических и политических преобразований начала XX века. Его имя символизирует стремительный промышленный подъем, широкое строительство железных дорог, золотовалютную реформу и прочный курс рубля. Наконец, манифест 17 октября 1905 года был подписан царем под давлением Витте и революционных событий и стал первой российской «конституцией». Несмотря на огромные заслуги, Витте не был в почете на родине, разделив таким образом судьбу многих российских реформаторов. В книге молодого петербургского историка Эллы Сагинадзе раскрывается малоизвестная сторона образа Витте – восприятие публикой его деятельности после ухода в отставку. Автор анализирует двойственную репутацию реформатора в контексте фобий русского общества.

УДК 323.35(47+57)
ББК 63.3(2)52-283.1

ISBN 978-5-4448-0815-3

© Сагинадзе Э., 2017

© НЛО, 2017

Содержание

| | |
|---|----|
| Благодарности | 7 |
| Введение | 9 |
| Глава I | 18 |
| 1. «Номо повус»: С.Ю. Витте – новый тип российского бюрократа | 18 |
| 1.1. «Самодержавный делец» на государственной службе | 19 |
| 1.2. Министр финансов и его политика на страницах периодической печати | 26 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 28 |

Элла Сагинадзе
Реформатор после реформ: С.Ю. Витте
и российское общество. 1906–1915 годы

Редакционная коллегия серии

HISTORIA ROSSICA

Е. Анисимов, А. Зорин, А. Каменский, Ю. Слёзкин, Р. Уортман

Редактор серии

И. Жданова

В оформлении обложки использован фрагмент картины И.Е. Репина «Портрет министра финансов С.Ю. Витте». 1903

© Государственный Русский музей, Санкт-Петербург

© Э. Сагинадзе, 2017

© ООО «Новое литературное обозрение», 2017

* * *

*Памяти моего деда,
Александра Михайловича Коптелова*

Благодарности

В основу этой книги легла кандидатская диссертация, которую я писала в 2009–2013 годах в Европейском университете в Санкт-Петербурге (ЕУСПб) и Санкт-Петербургском институте истории (СПбИИ) РАН. Приступив к написанию диссертации, я плохо представляла себе масштаб предстоящей работы, но уже тогда понимала, насколько амбициозна и сложна задача написать книгу «про Витте» в Петербурге, где научный интерес к этому государственному деятелю имеет давнюю академическую традицию. Я глубоко признательна Е.В. Анисимову за энергичную поддержку на начальном этапе: она очень помогла мне решиться на этот рискованный шаг. На моем непростом пути я неизменно получала поддержку и советы со стороны многих людей.

В первую очередь я считаю своим приятным долгом выразить сердечную благодарность моему научному руководителю – Борису Ивановичу Колоницкому. Он всегда заинтересованно и с должной критичностью вникал в мои тексты, проявляя поистине безграничное терпение. Сотрудничество и постоянный обмен опытом со столь компетентным специалистом были одним из важнейших стимулов к совершенствованию моих исследовательских навыков. Он неизменно вдохновлял меня. Я не перестаю поражаться его эрудиции и высоким профессиональным стандартам. Разумеется, вся ответственность за излагаемые в книге суждения и оценки лежит на мне, но и обучением ремеслу, и появлением этой книги я во многом обязана Борису Ивановичу.

На разных этапах исследовательского пути мне сопутствовала удача, которая выпадает далеко не каждому. В прошедшие годы Борис Васильевич Ананьич и Рафаил Шоломович Ганелин щедро делились со мной своими обширными знаниями и опытом. В минуты авторских терзаний их теплое участие и содействие были особенно ободряющими и вдохновляющими. Помню, как накануне защиты диссертации Р.Ш. Ганелин меня успокаивал: «Не волнуйтесь! Граф не подведет. Граф еще никого не подводил». Он говорил с такой подкупающей убежденностью, что не поверить ему было решительно невозможно. Хочется думать, что и я не подвела графа... Бесконечно сожалею, что сейчас не могу задать Борису Васильевичу и Рафаилу Шоломовичу многие вопросы, которые появились у меня в процессе подготовки рукописи к изданию.

Становлением в качестве исследователя культурной истории я во многих отношениях обязана М.Д. Долбилову, поначалу вдохновившему меня заняться ее изучением власти и поддерживавшему в моменты сомнений и разочарований. В рамках читаемого им в ЕУСПб авторского курса меня увлекли вопросы символической репрезентации власти, а написанное по итогам курса учебное эссе об С.Ю. Витте окончательно определило мои научные интересы.

Работы А.Л. Зорина неизменно меня восхищали и пробудили интерес к культурно-историческим механизмам создания образов реформаторов в российской культуре. Я польщена тем, что он любезно согласился консультировать меня. Его экспертная оценка и методологическая поддержка помогали с увлечением и азартом исследовать столь замысловатые сюжеты.

Сложно выразить словами глубину моей признательности руководителям семинаров факультета истории Европейского университета В.В. Лапину, М.М. Крому, В.М. Паняху, а также всем слушателям, посещавшим семинары, за их полезные замечания, размышления и комментарии.

Данью благодарности я обязана всем моим коллегам по СПбИИ РАН, а в особенности отделу революций и общественного движения: Н.Н. Смирнову, Б.Б. Дубенцову, Н.В. Михайлову, П.Г. Rogozному, покойному С.И. Потолову, В.Ю. Черняеву, Т.А. Абросимовой, К.А. Тарасову. Большая честь для меня – чувствовать себя причастной к высоким традициям

Института: с теплотой я вспоминаю наши обсуждения и дискуссии, которые так много дали и уму, и сердцу.

Неоднократные беседы с Д. Дэрроу, Ф. Вчисло, Д. Макдональдом, И.В. Лукояновым, С.К. Лебедевым, С.В. Куликовым, Ф.А. Гайдой, В.Л. Степановым, А.Ю. Полуновым, В.В. Керовым, А.В. Мамоновым, Б.С. Котовым не только позволили уточнить главные аргументы моего исследования, но и существенным образом повлияли на него. Каждому из них я необычайно признательна.

Многие друзья и коллеги читали и комментировали части рукописи на различных этапах подготовки исследования. Я особенно благодарна Н.Д. Потаповой, Д.Я. Калугину, Д.А. Бадалян, М.А. Витухновской-Кауппала, Ю.А. Сафроновой, В.Е. Кельнеру, В.А. Дымшицу, А.В. Степанову, К.Е. Балдину, Е.С. Норкиной, М.С. Федотовой, Я.С. Гузей, Т.С. Шевчук. Доброжелательная критика Марии Сакаевой и Анны Гавриловой, а также моей близкой подруги, Натальи Лакеевой, взявших на себя труд прочесть черновик монографии, заставила меня по-новому взглянуть на сюжеты, которые казались очевидными.

На протяжении нескольких лет я безжалостно мучила друзей, коллег, родных рассказами о судьбах реформ в России в целом и о Сергее Юльевиче в частности. У коллег в Европейском университете даже появилась верная примета: «Если где-то слышен разговор о Витте, значит, рядом находится Элла». Так или иначе, среди моих друзей и знакомых, кажется, не осталось ни одного, который не знал бы, кто такой С.Ю. Витте.

В 2012 году я располагала стипендией Германского исторического института в Москве, благодаря чему имела возможность провести несколько месяцев в московских архивах. Эта книга не была бы написана и издана без поддержки благотворительного фонда «Ступени», которая дала мне возможность посвятить два года этой работе. Мне приятно поблагодарить исполнительного директора фонда О.А. Поликарпову и лично А.Б. Чубайса за поддержку проекта.

Я благодарна И.Д. Прохоровой за интерес к моему исследованию и невероятно рада возможности опубликоваться именно в «Новом литературном обозрении». Многие книги серий «Historia Rossica» и «Россия в мемуарах» есть в моей домашней библиотеке. Моя искренняя благодарность также И.А. Ждановой и А.В. Абашинной за помощь в подготовке рукописи к изданию.

Введение

Если правда, что каждое общество имеет тех представителей, которых оно стоит, то трудно найти более характерную историческую фигуру <...> Граф Витте – это своего рода микрокосм русской истории на пороге XX века.

А.В. Руманов¹

Граф Сергей Юльевич Витте известен каждому, кто интересуется российской историей. Это неудивительно: масштаб его реформаторской деятельности впечатляет и сегодня. Огромное по протяженности полотно железных дорог и строительство Великого сибирского пути, золотовалютная реформа и прочный курс рубля, винная монополия, Портсмутский мирный договор с Японией, Манифест 17 октября 1905 года, стремительные темпы развития промышленности, появление целой сети политехнических институтов – для многих все это прочно связано с именем Витте. По легенде, Витте однажды даже сказал о себе: «Что бы было тогда с Россией, если бы в ее истории не попадались такие, как я?»

Карьера Витте считалась самой стремительной в бюрократическом мире за весь XIX век. Заняв в 1891 году кресло министра путей сообщения, он перескочил сразу пять ступеней Табели о рангах. Витте не был похож на других бюрократов, потому что пришел во власть из сферы железнодорожного дела. По обыкновению чиновник получал классическое образование в гимназии и университете и формировался на государственной службе. Однако начиная с царствования Александра III в правительство стали привлекать людей, которые были не карьерными бюрократами, а компетентными специалистами в той или иной области управления, – из университетских кругов, как Н.Х. Бунге, либо из деловой среды, как И.А. Вышнеградский или С.Ю. Витте.

В прошлом опытный и успешный предприниматель, Витте обладал удивительно современным пониманием публичности. Он считал воздействие на общественное мнение неотъемлемой частью политики и условием пребывания политического деятеля у власти, а собственная популярность в обществе занимала его ничуть не меньше, чем успех в бюрократической карьере. Подозрительное, даже враждебное отношение правящих кругов Российской империи к печати было характерным явлением². Вразрез с практикой имперской бюрократии министр стремился обосновать в прессе, российской и иностранной, свои взгляды, инициировал заказные статьи. Да и сам в молодые годы печатался в периодических изданиях³. Министр часто пропускал вне очереди к себе на прием журналистов, тут же обходя вниманием влиятельных сановников и губернаторов – к их большому неудовольствию. Витте никогда не преследовал газетчиков, но каждое утро просматривал свежую прессу и выступал с опровержением острых публикаций. Среди близких к сановнику публицистов были сотрудники крупнейших российских изданий. Граф, как никто иной, хотел представить себя величайшим реформатором, которому не было равных по историческому масштабу личности и государственному дарованию.

¹ Руманов А.В. Как живет граф Витте? // Новый мир. 1909. 7 февраля.

² Не одинок был К.П. Победоносцев, утверждая, что в «ежедневной печати скопляется какая-то роковая, таинственная, разлагающая сила, нависшая над человечеством» (*Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени*. М.: Русская книга, 1993. С. 132).

³ Известный государственный деятель В.И. Гурко писал: «Общественное мнение для Витте было важно не само себе, не как указание того или иного образа действий, и даже не как творческое начало, а лишь как орудие для достижения своих, им самим заранее намеченных целей. <...> Общественное мнение было для него важным, но лишь подсобным средством для укрепления своего положения» (*Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника / Вступ. ст. Н.П. Соколова и А.Д. Степанского; публ. и коммент. Н.П. Соколова*. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 63).

Витте известен не только в качестве незаурядного государственного деятеля, но и как мемуарист. Его «Воспоминания», исполненные эмоциональных уничижительных характеристик Николая II и его окружения, были опубликованы в СССР в начале 1960-х годов. До сих пор его сочинение, переизданное в трех книгах в 2003 году, остается одним из самых цитируемых исторических источников⁴. За долгое время представленные в нем оценки так прочно вошли в общественное сознание, что многие люди смотрят на позднеимперскую Россию глазами Витте. Любой мемуарист субъективен, а Витте вдобавок и сугубо тенденциозен: это заметно с первых страниц даже неискушенному читателю. Отставной министр воспринимал свои мемуары как возможность поквитаться с недоброжелателями. Противников у реформатора всегда хватало: мало кого из государственных деятелей поздней Российской империи оценивали бы более противоречиво и пристрастно.

Реформы – очень неуютное время для жизни обывателя. Для одних это надежды на перемены к лучшему, для других – мрачное предвестие катастрофы. Общество, остро реагируя на разрушение привычного мира, то проклинает, то возвеличивает «виновника» перемен, связывая с его персоной свои эмоции, ожидания, предчувствия и опасения. Иногда разногласия могут длиться столетиями. К примеру, Петр I до сих пор одна из самых спорных фигур: для одних – великий реформатор, для других – антихрист, для третьих – «первый большевик». В этом смысле образы графа Витте необычайно интересны.

В настоящей книге я постараюсь проанализировать, как относилось к министру современное ему российское общество, когда он уже завершил карьеру. Активная государственная деятельность Витте закончилась в 1906 году. До самой смерти, последовавшей в 1915 году, он был отставным сановником, участвовал в заседаниях Государственного совета, поправлял здоровье на заграничных курортах, встречался с журналистами, писал мемуары. У читателя может возникнуть резонный вопрос: зачем же изучать «реформатора после реформ»? Действительно, бюрократическую отставку часто называют политической смертью. Витте потерял поддержку императора и возможность пользоваться испытанными методами бюрократического властвования. Именно в этих условиях публицистическая деятельность стала для графа важнейшим тактическим приемом в борьбе за общественное мнение.

Известный киевский публицист Александр Яблоневский, откликаясь в 1915 году на смерть графа, писал: «До Витте люди, живущие под соломенной крышей, не знали по фамилии ни одного министра, не исключая даже и тех, кто благородно потрудились над освобождением крестьян. Витте был первый, которого знал и прасол, и мужик, и сибирский ямщик»⁵ (Яблоневский связывал такой живой интерес к графу с проведенной им винной монополией, затронувшей насущные интересы народа). Можно считать, что журналист намеренно сгустил краски ради красного словца. Однако нельзя отрицать – последствия реформаторской деятельности Витте ощущало лично на себе огромное количество людей, независимо от их сословного статуса.

О чем же – или, вернее, о ком – идет речь, когда мы говорим об «общественном мнении»? Ответ на вопрос о том, какой смысл содержит в себе это понятие, – такой ответ, который примирил бы разногласия среди исследователей⁶, до настоящего времени не найден. Обращение к этой социологической категории в исторической науке ставит перед исследователем ряд вопросов. Кто является субъектом общественного мнения – иначе говоря, чьим языком оно заявляет о себе? Понятие «общественное мнение» исторично, не одинаково для разных

⁴ Из архива С.Ю. Витте: Воспоминания / Примеч. Б.В. Ананьича и др.; Российская академия наук; Санкт-Петербургский институт истории; Колумбийский университет в Нью-Йорке, Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. Рассказы в стенографической записи. Кн. 1; Кн. 2; Т. 2. Рукописные заметки.

⁵ Яблоневский А. Граф Витте. Политический атеист // Киевская мысль. 1915. 1 марта.

⁶ Обзор основных этапов дискуссии по этому поводу см. в книге: Гавра Д.П. Общественное мнение как социологическая теория и социальный институт. СПб.: Институт социально-экономических проблем Российской академии наук, 1995.

эпох. Какое смысловое наполнение имел термин «общественное мнение» в Российской империи конца XIX – начала XX века? Современники широко использовали это понятие, хотя и не давали ему исчерпывающего определения.

В условиях самодержавного государства возможности публичного обсуждения вопросов общественной жизни были ограничены. Реформы 1860-х годов стали важнейшим импульсом для формирования публичной сферы. Разные группы людей, не относящиеся к государственной бюрократии и аристократии, заявили о своем праве участвовать в решении общегосударственных проблем⁷. Посвятившая себя общественно важным делам и гражданскому долгу – так называемая прогрессивно мыслящая часть общества стала именовать себя общественностью⁸. Важным подспорьем для расширения публичной сферы послужило создание земских учреждений и институтов самоуправления.

В рамках этого толкования «общественность» начала отождествляться с публичной сферой и «общественным мнением». В свою очередь, руководствуясь интересами «общества» в его борьбе с самодержавием, «общественное мнение» было критически настроено по отношению к государственной власти и противопоставлялось официальной точке зрения. Видный представитель столичной бюрократии В.И. Гурко озаглавил свои мемуары «Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника»⁹. Гурко выделил несколько этапов, характеризующих противоборство двух полюсов: государственной власти и общества (сферы общественного мнения)¹⁰. Витте разделял такой взгляд на сущность и содержание понятия «общественное мнение». Известен разговор сановника с его давним политическим оппонентом, министром внутренних дел В.К. Плеве. В 1903 году Сергей Юльевич настаивал: «Правительству необходимо опереться на *образованные классы* [курсив мой. – Э.С.]. Иначе на кого же правительству опереться? – на народ? Но ведь это только фраза, диалектика Константина Петровича Победоносцева, графа Алексея Павловича Игнатьева, сенатора Александра Алексеевича Нарышкина!»¹¹

Другой аспект развития «общественности» был связан с появлением в пореформенное время коммерческой прессы. Бурное развитие газетного дела во второй половине XIX века способствовало распространению практик чтения и формировало читающее и дискутирующее сообщество, также определяемое как «общественность», «образованное общество», «публика». По подсчетам А.И. Рейтблата, если в 1860 году на русском языке выходило 67 периоди-

⁷ Вплоть до середины XIX века термин «общество» часто относили к светскому, аристократическому обществу, ориентированному исключительно на определенное социальное поведение и хорошие манеры. После Великих реформ к представителям «общества» стали относить также и широкие слои разночинцев – интеллигенцию – и даже купечество. В то же время продолжало существовать представление о так называемом простом народе как о некоей темной массе. Подробнее о категории «образованное общество» см.: *Коцюнас Я.* Как крестьян делали отсталыми: Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России 1861–1914 / Авторизов. пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2006.

⁸ *Волков В.В.* Формы общественной жизни: публичная сфера и понятие общества в Российской империи: Дис... канд. социол. наук. Кембридж, 1995. С. 172–173. Этот термин активно использовался разночинцами, литературными критиками, интеллектуалами – выходцами из средних слоев. См. также: *Clowes E.W., Kassow S.D., West J.L.* 'Obshchestvennost' as civil society // *Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia* / Ed. by E.W. Clowes, S.D. Kassow, and J.L. West. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1991. P. 5–14.

⁹ *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. См. также мемуары одного из лидеров кадетской партии: *Маклаков В.А.* Власть и общественность на закате старой России: Воспоминания современника // Приложение к «Иллюстрированной России». Париж, 1936.

¹⁰ *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С. 22–27.

¹¹ Цит. по: *Анапьев Б.В., Ганелин Р.Ш.* С.Ю. Витте и его время. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 121. Интересно отношение императора Николая II к общественному мнению. Витте вспоминал: «Ранее, когда мне приходилось при докладе говорить: таково общественное мнение, то государь иногда с сердцем говорил: “А мне какое дело до общественного мнения!” Государь *совершенно справедливо* [курсив мой. – Э.С.] считал, что общественное мнение – это есть мнение “интеллигентов”, а что касается его мнения об интеллигентах, то <...> раз за столом кто-то произнес слово “интеллигент”, на что государь заметил: “Как мне противно это слово”, – добавив, вероятно, саркастически, что следует приказать Академии наук вычеркнуть это слово из русского словаря» (Из архива С.Ю. Витте. Т. 2. С. 112).

ческих изданий общим тиражом 65 тыс. экземпляров, то в 1900-м – уже 204 с тиражом 900 тыс. экземпляров¹². Для Витте общественное мнение также было неразрывно связано с прессой¹³.

Печать формировала и отражала общественное мнение. В конце XIX века журналисты пользовались уважением среди образованной публики. Один из публицистов заявлял, что «яркий газетчик у нас член общества, персона, которую решительно все знают, о которой все говорят»¹⁴. Журналист волей-неволей отражает настроения, предубеждения, стереотипы, характерные для общества в тот или иной период, ведь интерес читателей – источник, подпитывающий популярность автора. «Добродетель журналиста – нюхать воздух и замечать, чем интересуется общество в данную минуту», – признавал один из представителей газетного мира¹⁵. Один из самых популярных публицистов эпохи, М.О. Меньшиков, заявлял: «Печать, господа, – это вы сами, и она ничуть не хуже своего общества. <...> Журналисты как сословие меня вовсе не интересуют: вовсе не они составляют печать. <...> Печать есть эхо своего общества. <...> На бумаге отпечатывается ведь только то, что уже есть в обществе, та же нравственная грязь, ложь, сплетни, клевета, шантаж. Газетный лист – не более как негатив жизни...»¹⁶

Периодическая печать не была единственным каналом для выражения общественного мнения. Формирование различных образов министра-реформатора в общественном мнении находит отражение в дневниках, письмах и воспоминаниях. Не менее важным ресурсом в борьбе за власть, чем симпатии со стороны общественности, Витте считал благосклонность узкого круга лиц – царя, приближенных к царской семье и представителей придворно-бюрократического окружения императора. Министр посещал, особенно в начале своей карьеры, салоны сенатора А.А. Татищева, влиятельного публициста и издателя В.П. Мещерского, бывал на обедах у генеральши А.В. Богданович.

Общественное мнение никогда не бывает единым – оно всегда сегментировано и представляет собой широкий спектр суждений. Под *общественным мнением* я подразумеваю не только мнение так называемого образованного общества, т. е. людей, обладавших определенным культурным уровнем и стремившихся к политическому влиянию, но и сферу публичной коммуникации в целом. При этом я учитываю, что с появлением массовой прессы указанная сфера принимает все более безличный и опосредованный характер¹⁷.

Сложно найти такой аспект деятельности Витте, который не служил бы объектом научного анализа: число посвященных сановнику работ насчитывает не одну сотню названий, и литература продолжает прибывать¹⁸. О беспрецедентной открытости Витте общественному мнению говорили еще его современники¹⁹. Некоторые советские исследователи также отме-

¹² Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 114.

¹³ Типична, к примеру, его фраза о том, что «общественное мнение выражается в прессе» (Из архива С.Ю. Витте. Т. 2. С. 450).

¹⁴ Рок[шанин] Н. Из Москвы: Очерки и снимки // Новости и Биржевая газета. 1894. 11 июня.

¹⁵ Русский труд. 1899. 2 октября.

¹⁶ Меньшиков М.О. Побольше опрятности // Меньшиков М.О. Письма к ближним. СПб., 1902. С. 49.

¹⁷ По сути, земские учреждения, ведавшие здравоохранением, просвещением, решавшие хозяйственные вопросы городской жизни, были неполитическим институтом. Еще одно место для обсуждения общественно значимых вопросов – театр, но вплоть до конца XIX века на сцене обсуждались в основном моральные проблемы. Пресса, в силу ее большей тиражируемости и доступности, была наиболее удобным местом для выражения общественного мнения, трактуемого как сфера публичности.

¹⁸ См.: Шолов Д.Н. Государственные деятели Российской империи 1802–1917: Библиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 127–130. См. также: Крымская А.С., Гаврилова И.Ю. С.Ю. Витте в отечественной литературе (1999–2008 гг.): Библиографический список // На изломе эпох. Вклад С.Ю. Витте в развитие российской государственности: Исследования и публикации: В 2 т. СПб.: Лики России, 2014. Т. 2. С.Ю. Витте и его современники. С. 90–120.

¹⁹ Мигулин П.П. Реформа денежного обращения в России и промышленный кризис (1893–1902). Харьков: Типо-Литография «Печатное дело» князя К.Н. Гагарина, 1902. С. 155–167; Глинский Б.Б. Граф Сергей Юльевич Витте (Материалы для биографии) // Исторический вестник. 1915. Т. 140. № 4. С. 223–229; Лутохин Д.А. С.Ю. Витте как министр финансов. Пг.: Типография «Двигатель», 1915. С. 6.

чали нестандартный подход министра финансов к общественному мнению. К примеру, И.Ф. Гиндин утверждал, что до Витте экономика не удостоивалась столь пристального внимания общественности. Ученый особенно подчеркивал роль всеподданнейших докладов министра и дискуссии в обществе относительно их содержания²⁰. Подобным образом и известный американский специалист Т. фон Лауэ делал акцент на новаторском подходе министра финансов к подготовке всеподданнейших докладов: они были написаны так, чтобы побудить общественность к обсуждению того или иного мероприятия Министерства финансов²¹.

Бесспорно, самый большой вклад в изучение научной проблемы, поднимаемой в книге, внесли Б.В. Ананьич и Р.Ш. Ганелин. Они уделили пристальное внимание публицистической деятельности сановника и его попыткам формировать общественное мнение с помощью печати²². К примеру, в работе «С.Ю. Витте – мемуарист» подробно исследуются дискуссии вокруг дальневосточной политики 1904–1905 годов²³. Ученые наглядно показали, как сановник руками близких к нему публицистов вел «газетные войны» с оппонентами. Витте пытался опровергнуть обвинения противников в развязывании им Русско-японской войны и стремился создать свою версию событий. Помимо мемуарных свидетельств и периодической печати авторы привлекали архивные материалы, в частности переписку графа с личным секретарем, его литературными агентами. Вместе с тем большинство сюжетов, связанных с образом реформатора в глазах общественности, вписаны в общий контекст повествования²⁴.

Среди новейших научных исследований отмечу диссертацию С.В. Самонова о восприятии экономического курса министра финансов (1892–1903 годы) в общественном мнении²⁵. По мысли этого автора, борьба Витте за симпатии общественного мнения привела не только к «пропагандистскому» эффекту (на что рассчитывал сановник), но и к повышению внимания общества к государственной политике в целом²⁶. Хотя этот вывод представляется значимым, отмечу, что Самонов использует довольно грубую классификацию газет, разделяя прессу на две большие части: либеральную и консервативную. Хронологически работа ограничена пребыванием Витте на посту министра финансов.

Недавняя монография Ф.У. Вчисло фокусируется на образе Витте, созданном в мемуарах сановника²⁷. Ученый стремится понять сознание эпохи, уделив основное внимание личности героя, его приватной жизни, эмоциям, пристрастиям и переживаниям. Исследование

²⁰ Гиндин И.Ф. Государство и экономика в годы управления С.Ю. Витте // Вопросы истории. 2006. № 12; 2007. № 1–9. Работа была написана в советское время, однако впервые опубликована уже после смерти автора, его сыном. См. также: *Он же*. Об основах экономической политики царского правительства в конце XIX – начале XX вв. // Материалы по истории СССР. М.: Издательство АН СССР, 1959. Т. 6. С. 200–205.

²¹ *Laue T.H. von. Sergei Witte and the Industrialization of Russia*. New York: Atheneum, 1974 (© 1963). P. 117.

²² Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. С.Ю. Витте, М.П. Драгоманов и «Вольное слово» // Исследования по отечественному источниковедению. Л.: Институт истории АН СССР, Ленинградское отделение, 1964. Вып. 7. С. 163–176; *Он же*. И.А. Вышнеградский и С.Ю. Витте – корреспонденты «Московских новостей» // Проблемы общественной жизни и экономической политика России XIX – начала XX веков. Л.: Институт истории АН СССР, Ленинградское отделение, 1972. С. 12–33; *Он же*. Опыт критики мемуаров С.Ю. Витте (в связи с его публицистической деятельностью в 1907–1915 гг.) // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.; Л.: Институт истории АН СССР, Ленинградское отделение, 1963. Вып. 5. С. 298–374.

²³ *Он же*. С.Ю. Витте – мемуарист. СПб.: РАН, Институт российской истории, Санкт-Петербургский филиал, 1994.

²⁴ См., например, фундаментальную работу этих ученых, в которой подведены итоги многолетних исследований личности Витте и различных аспектов его бурной деятельности: Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. С.Ю. Витте и его время.

²⁵ Самонов С.В. Министр финансов С.Ю. Витте и его политика в общественном мнении России (1892–1903): Дис... канд. ист. наук. М., 2008. См. также статьи на основе материалов диссертации: *Он же*. Министр финансов С.Ю. Витте глазами русской периодической печати (по материалам газет «Новое время», «Биржевые ведомости» и «Русский труд») // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2008. № 2. С. 69–78; *Он же*. «Бывал буквально на кресте распятым...»: Министр финансов Витте и пресса // Родина. 2008. № 1. С. 47–51.

²⁶ *Он же*. Министр финансов С.Ю. Витте и его политика в общественном мнении России: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 2008. С. 26.

²⁷ *Wchislo F. W. Tales of Imperial Russia: The Life and Times of Sergei Witte, 1849–1915*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2011.

основывается и на материалах российских архивов, и на документах из Бахметевского архива Колумбийского университета. Обильно и удачно Вчисло привлекает корреспонденцию, а также редко использовавшиеся мемуары родственников сановника, проливающие свет на некоторые аспекты формирования его личности. Автор использует и работы иностранных журналистов, до сих пор мало востребованные российскими исследователями. Взгляд на министра как на частного человека, а не как на политическую функцию с вытекающим из этого акцентом на оценку его государственной деятельности, несомненно, ценен.

В книге я буду опираться на материалы всех упомянутых исследований. Тем не менее из приведенного выше обзора научных трудов нетрудно заметить, что взаимоотношения Витте и общественного мнения не были предметом специального исследования. Исключение представляют работы Ананьича и Ганелина, однако эти авторы анализировали тактику самого Витте в работе с общественным мнением. Отношение публики к министру не входило в их исследовательский фокус. В упомянутой диссертации Самонова, непосредственно посвященной общественному мнению о министре финансов и его экономическом курсе, рассматривается только период активной государственной деятельности Витте, а также анализируется по преимуществу лишь периодическая печать, что явно недостаточно. Внимание исследователей фокусировалось на восприятии только государственной деятельности сановника.

До недавнего времени тема *образов власти* воспринималась в историографии как второстепенная по сравнению с событиями «большой политики» и оценкой «достоверных исторических фактов». Большое влияние на отечественных историков оказала работа профессора Колумбийского университета Р. Уортмана²⁸. Для обозначения своего исследовательского подхода ученый использует понятие «сценарий», чтобы охватить комплекс символов и ритуалов, избираемых монархами для репрезентации базового мифа царствования. Он обращает внимание исследователей на важность изучения образов крупных государственных деятелей. Особо отмечу монографию Б.И. Колоницкого об образах императорской семьи в годы Первой мировой войны²⁹. Хотя труд Уортмана и стал для этого автора импульсом к изучению репрезентаций, у него иной подход. По мнению Колоницкого, вопрос об образах политических деятелей не должен ограничиваться изучением только роли «сценаристов»: не меньший интерес представляет реакция «зрителей»³⁰. Иначе говоря, анализ того, как воспринимались те или иные образы, представляется не менее важным, чем механизм их создания. Подход Колоницкого представляется мне наиболее плодотворным.

Министр, в отличие от императора, не был сакральной фигурой: если в отношении царя нередко существовала строгая цензура, то в отношении бюрократа была возможна большая откровенность. Безусловно, большинство современников никогда не встречали графа лично. Но, реагируя на злободневные политические события, публика обсуждала Витте и в газетах, и на улице, и в кофейнях, и в пивных, и в гостях, и в лавках, и дома, и в театральном фойе... Наверняка те представления, которые у нее складывались, отличались как от оригинала, так и от желаемого самим реформатором представления о нем. Обращение к образам отставного министра дает исследователю уникальную возможность взглянуть на общество, которое только-только пережило трансформацию и пытается приспособиться к новому миропорядку, найти в нем свой статус и новые возможности для себя.

²⁸ Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: В 2 т. / Пер. с англ. С.В. Житомирской, И.А. Пильщикова. М.: ОГИ, 2002–2004. Т. 1. От Петра I до смерти Николая I; Т. 2. От Александра II до отречения Николая II. См. также: «Как сделана история»: Обсуждение книги Р. Уортмана «Сценарии власти. Мифы и церемонии российской монархии» // Новое литературное обозрение. 2002. № 56. С. 42–66.

²⁹ Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

³⁰ Там же. С. 16.

Выбранный исследовательский фокус позволит затронуть очень разные вопросы: проблему формирования общественного мнения и тех факторов, которые на него влияли, роль слухов и прессы в этом процессе. Наконец, он поможет лучше понять, что представляло собой русское общество на изломе эпох, какие вопросы волновали его, какие политические предпочтения его раскалывали, – более того, имело ли оно силы, чтобы вмешиваться в публичную сферу. Обращение к образам Витте позволит по-новому взглянуть и на контекст реформ, и на массовое сознание в кризисную эпоху.

Перед историком, наметившим для себя цель изучить общественное мнение, возникает главный вопрос – источников. В основу моего исследования положено изучение прессы Санкт-Петербурга и Москвы, т. е. наиболее важных изданий, которые читались по всей стране³¹. Помимо этого, привлекаются крупнейшие газеты Юго-Западного края, Киева и Одессы, где Витте получил образование и начинал свою карьеру.

На рубеже XIX–XX веков тиражи российских газет значительно выросли. Исследователи условно делят прессу этого периода на две большие группы: «качественную» и «массовую»³². Каждая имела свою аудиторию. «Качественные», или «солидные», издания находили читателей среди образованной публики; «массовые» газеты, как правило, были рассчитаны на более широкие слои населения. Из «качественных» газет я рассматриваю следующие: петербургские «Новое время», «Санкт-Петербургские ведомости», «Биржевые ведомости», «День»; московские «Русское слово», «Московские ведомости», «Русские ведомости»; сюда же относятся «Киевская мысль» и «Одесские новости». Кроме того, я использую журналы П.Б. Струве «Русская мысль» и Б.Б. Глинского «Исторический вестник». Важной вехой в развитии прессы был Манифест 17 октября 1905 года, позволивший создать легальные политические партии. В связи с этим я использую в первую очередь печатные органы партии кадетов («Речь»), московских октябристов («Голос Москвы»), черносотенцев («Русское знамя», «Земщина», «Гроза»), киевских националистов («Киевлянин»). «Массовая» пресса представлена популярными столичными газетами («Петербургским листком» и «Петербургской газетой»)³³, а также крупнейшей провинциальной газетой подобного рода («Одесским листком»). В целом издатели таких газет пытались угодить своему читателю, гнались за сенсационностью, собирали городские сплетни. Публиковались и материалы о насущных городских проблемах, частные рекламные объявления. «Массовые» издания были рассчитаны на те слои населения, которые относительно недавно приобщились к чтению периодики, – на мещан, грамотных рабочих и крестьян.

В отдельных случаях я буду отступать от этого списка. К примеру, для изучения некоторых сюжетов, связанных с политизацией русского театра, необходимо было использовать специализированные театральные издания, а также провинциальную прессу Российской империи. В столице качеством и основательностью выделялись журнал «Театр и искусство» и газета «Обозрение театров». Также я использую «Журнал Театра Литературно-художественного общества». У московских театралов были особенно популярны журнал «Рампа и жизнь» и газета «Театр»³⁴. Важны некоторые статьи известной столичной газеты «Гражданин» князя В.П. Мещерского.

Несомненный интерес представляют материалы черносотенного листка «Виттова пляска», который из-за запретов издания выходил в 1905–1907 годах под разными названи-

³¹ К 1900 году доля грамотного населения в столице составила 70,5 %, а в Москве – 66 % (см.: Лихоманов А.В. Борьба самодержавия за общественное мнение в 1905–1907 годах. СПб.: Издательство Российской национальной библиотеки, 1997. С. 19).

³² Сошина Е.С. Петербургская универсальная газета конца XIX века. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. С. 48–51.

³³ Сошина Е.С. Петербургская универсальная газета конца XIX века. С. 48–58, 65–68.

³⁴ Герасимов Ю.К. Театральная критика с 1890-х годов до 1917 года // Очерки истории русской театральной критики. Конец XIX – начало XX в. Л.: Искусство, 1979. С. 9–10.

ями: «Виттова пляска продолжается», «Русская Виттова пляска», «Гурьевская каша», «Таврическая Виттова пляска». Издатель и редактор никогда не указывались, но, судя по всему, к выпуску газеты были причастны князь М.Н. Волконский и художник Л.Т. Злотников³⁵. Как вспоминал В.И. Гурко, «по идейности и остроумию журнальчики эти были во много раз выше революционных и раскупались весьма бойко»³⁶. Популярность «Виттовой пляски» признавал и другой видный бюрократ, князь С.Д. Урусов³⁷. Исключительно важен материал сатирических журналов 1905–1907 годов («Шут», «Жало», «Зритель», «Осколки» и т. д.). Он дает известное представление о том, какие отличительные черты Витте осмеивались и какие карикатурные его образы наиболее часто тиражировались прессой³⁸.

Сведения газет – даже «солидных», претендующих на объективность, – конечно, не всегда достоверны. Имя отставного министра встречалось не только в передовых статьях и фельетонах известных журналистов эпохи – оно нередко мелькало и в коротких заметках, зачастую содержащих непроверенную информацию, даже городские сплетни. Не случайно с 1907 года в либеральных газетах появилась и сохранилась в дальнейшем регулярная рубрика «Вести и слухи»³⁹. Необходимо выявлять мотивы того или иного журналиста при написании им той или иной статьи, а также учитывать фактор цензурных ограничений, налагаемых на печатные издания.

В дополнение к прессе как к источнику для изучения общественного мнения я использую разнородные документы: материалы Департамента полиции (далее – ДП), записки на монаршее имя, копии шифрованных телеграмм, дневники, переписку и воспоминания. Нельзя обойтись и без документов самого Витте – мемуаров, а также разноплановых материалов, отложившихся по преимуществу в его личном фонде в Российском государственном историческом архиве (далее – РГИА)⁴⁰, в их числе – черновики статей, переписка с разными лицами.

Документы ДП заслуживают особого упоминания. В них содержится информация об общественных настроениях. Прежде всего я активно привлекаю материалы перлюстрации. Конечно, они не дают полного представления об общественных настроениях. Но реакция на наиболее значимые события, связанные с Витте, отражалась в переписке, и даже фрагменты из писем, заинтересовавшие чиновников, дают возможность судить о некоторых тенденциях общественного мнения применительно к отставному министру. Кроме того, ДП чрезвычайно волновали циркулирующие в обществе слухи. Правительство интересовало те из них, которые вызывали опасения, т. е. слухи о возможных переменах в правительстве, оппозиционных настроениях, выражении недовольства. Специфика документов ДП как источника для реконструкции общественного мнения была предметом специального изучения⁴¹. В обширной картотеке, составленной в ДП и частично сохранившейся в каталоге Государственного архива Российской Федерации (далее – ГАРФ), есть указания более чем на сотню дел, в которых упо-

³⁵ Иванов А. «Виттова пляска» // Черная сотня: Историческая энциклопедия 1900–1917 / Сост. А.Д. Степанов, А.А. Иванов; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 38.

³⁶ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. С. 507.

³⁷ Урусов С.Д. Записки. Три года государственной службы / Вступ. ст., подгот. текста, сост. и коммент. Н.Б. Хайловой. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 765.

³⁸ Используются издания: Альбом революционной сатиры / Под общ. ред. С.И. Мицкевича. М.: Государственное издательство, 1926; Стихотворная сатира первой русской революции (1905–1907) / Библиотека поэта. Малая серия. М.: Советский писатель, 1985; Исаков С. 1905 год в сатире и карикатуре. М.: Прибой, 1928. Также привлекается ряд сатирических произведений, обнаруженных в фондах Государственного архива Российской Федерации (далее – ГАРФ).

³⁹ Иванов Ю. «Вы слышали...»: Слухи и страхи уездной России // Родина. 2006. № 7. С. 63. См. также материалы научной конференции, посвященной слухам как особому феномену: Слухи в России XIX–XX вв. Неформальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории: Сб. статей / [Редкол.: И.В. Нарский и др.] Челябинск: Каменный пояс, 2011.

⁴⁰ РГИА. Ф. 1622. С.Ю. Витте.

⁴¹ Ульянова Л.В. Политическая полиция как интеллектуальная среда (конец XIX – начало XX веков) // Пути России. Современное интеллектуальное пространство: школы, направления, поколения / Под общ. ред. М.Г. Пугачевой, В.С. Вахштайна. М.: Университетская книга, 2009. Т. XVI. С. 203–208.

минается Витте. Хотя большая часть из них не сохранилась, имеющиеся в моем распоряжении документы содержат уникальные сведения.

Предлагаемая читателю книга не является очередной «фактической» биографией Витте. Реальная жизнь министра часто не имела никакого отношения к циркуляции многообразных и противоречащих друг другу образов, а порой именно они оказывали большее воздействие на политику, чем целенаправленные действия Витте. Зачастую эти образы определяли и политическую жизнь министра, и судьбу многих его преобразований, и отношение к реформам, когда он был уже не у дел. Я постаралась изучить те образы, которые производили особенно сильное впечатление на современников, влияли на политику и на отношение к реформам рубежа XIX–XX веков. С рассмотрения главных компонентов политической репутации Витте и начинается эта книга.

Глава I

Сергей Юльевич Витте – государственный деятель: компоненты репутации

1. «Номо новус»: С.Ю. Витте – новый тип российского бюрократа

*Российская Обломовка нашла в нем своего Штольца.
Д.А. Лутохин⁴²*

В 1859 году, когда вся Россия жила предчувствием грядущих перемен, в журнале «Отечественные записки» был напечатан роман И.А. Гончарова «Обломов». Замысел романа родился у писателя еще в конце 1840-х годов, в «мрачное семилетие» царствования Николая I, а завершил его Гончаров уже в преддверии Великих реформ. В образе вымышленной деревни Обломовки он описал дореформенную Россию с ее патриархальными нравами.

В образе главного героя, Ильи Обломова, писателю удалось невероятно ярко представить не просто социальный, но, скорее, национальный русский тип, показать настоящего русского человека со всеми его достоинствами и недостатками. Обломов – потомственный дворянин, владелец Обломовки, живущий за счет своего поместья и крепостных. Несмотря на свою сердечность, душевную доброту, бескорыстие и мечтательную созерцательность, он олицетворяет, по словам самого Гончарова, «лень и апатию во всей ее широте и закоренелости как стихийную русскую черту». Гончарову вторили и его великие современники, увидевшие в романе воплощение неизменных начал русской жизни. Л.Н. Толстой, восторженно воспринявший произведение Гончарова, писал, что в «Обломове» содержится «нечто вечное». И.С. Тургенев высказался еще более решительно: «Пока останется хоть один русский, – до тех пор будут помнить Обломова». И даже большевистскому лидеру Николаю Бухарину в 1936 году описание русских людей как «нации Обломовых» все еще казалось верным⁴³.

Единственным деятельным и практичным человеком в романе был близкий друг Обломова – Андрей Штольц. Олицетворение человека дела, он добился положения и высокого чина благодаря собственной энергии и труду. Обломов и Штольц, будучи друзьями с детства, тем не менее предстают антиподами. Вероятно, не случайно Гончаров сделал Штольца русским немцем в противовес русскому барину Обломову, подчеркивая, что упорство, прагматизм, смелые планы и разумное ведение финансовых дел – не в русском характере.

Многие критики отмечали, что, в отличие от Обломова, Штольц для России явление совершенно нетипическое и нераспространенное. Так, известный критик Н.А. Добролюбов мог с полной уверенностью констатировать: «Штольцев пока у нас нет»⁴⁴. Перед русским обществом вставал важный вопрос – кому же из этих двух персонажей гончаровского романа принадлежит будущее? Сам Штольц, словно чувствуя наступление новой эпохи и новых порядков, восклицает в романе: «Прощай, старая Обломовка, ты отжила свой век!» Однако далеко не все разделяли этот оптимизм, и, например, Добролюбов, откликнувшийся на произведение Гончарова знаменитой статьей «Что такое обломовщина?» (1859), словно спорит со Штольцем: «Вся

⁴² Лутохин Д.А. С.Ю. Витте как министр финансов. С. 21.

⁴³ Бухарин Н.И. Наш вождь, наш учитель, наш отец // Известия. 1936. 21 января.

⁴⁴ Добролюбов Н.А. Что такое обломовщина? // Добролюбов Н.А. Русские классики: Избранные литературно-критические статьи / Издание подготовил Ю.Г. Оксман. М.: Наука, 1970. С. 38.

Россия, которая прочитала или прочитает Обломова, не согласится с этим. Нет, Обломовка есть наша прямая родина, ее владельцы – наши воспитатели, ее триста Захаров всегда готовы к нашим услугам. В каждом из нас сидит значительная часть Обломова, и еще рано писать нам надгробное слово»⁴⁵. Обломовка с ее ленивыми и добродушными обитателями была милее русскому сердцу, чем деловая капиталистическая Россия.

Это во многом объясняет, какие препятствия стояли на пути Сергея Юльевича Витте, который, как никто другой среди государственных деятелей, олицетворял собой тип Штольца – энергичного, прагматичного и делового человека, став дельцом на государственной службе.

1.1. «Самодержавный делец» на государственной службе

Как и Штолец, Витте добился выдающегося положения благодаря большой личной даровитости, работоспособности и предприимчивости. В августе 1892 года он был назначен исполняющим обязанности министра финансов – вместо заболевшего И.А. Вышнеградского. К этому времени Сергея Юльевича хорошо знали в столице как большого знатока в железнодорожном деле. Начав свою карьеру в качестве мелкого чиновника на казенной железной дороге в 1871 году, уже в конце 1870-х Витте переехал в Киев, где вошел в частное «Общество Юго-Западных железных дорог». Благодаря умелому руководству Обществом он заметно увеличил прибыльность и эффективность вверенных ему путей сообщения, сделав перевозку грузов более выгодной для клиентов. Председателем правления этого частного общества был банкир И.С. Блюх, но фактическим главой являлся И.А. Вышнеградский. Постепенно между Витте и Вышнеградским выстроились взаимовыгодные деловые отношения. Когда последний в 1889 году предложил императору кандидатуру Витте на пост главы Департамента железнодорожных дел, учрежденного в структуре Министерства финансов, у публики не было сомнений в большом опыте и компетентности Сергея Юльевича. В течение двух с половиной лет Витте под руководством Вышнеградского успешно занимался реформированием тарифной системы.

На рубеже 1891–1892 годов в результате жесткой налоговой политики Министерства финансов и вследствие неурожая разразился голод – в семнадцати губерниях Приволжья, Камской области, Урала и Севера погибло более полумиллиона человек. Положение могло бы не быть столь катастрофическим, если бы не усугублялось транспортным хаосом: все железные дороги были оборудованы исключительно на вывоз. Две колеи путей существовали только на линиях, ведущих к портам для экспорта зерна за границу. Начиная от Москвы, в направлении на север и восток все железные дороги имели лишь одну колею, что делало невозможным быструю доставку хлеба в голодающие губернии. Министра путей сообщения А.Ю. Гюббенета, ответственного за транспортный кризис, отправили в отставку. Назначенный на его место Витте наладил железнодорожное сообщение и ликвидировал крупные скопления грузов, в очередной раз продемонстрировав умение быстро и успешно решать сложные вопросы.

С первых дней государственной карьеры министр, выражаясь словами информированного столичного журналиста, стал «объектом всеобщего внимания и нескончаемых разговоров»⁴⁶. Обстоятельства возвышения Витте повлияли на формирование его репутации среди столичной бюрократии. Во второй половине XIX века Россия переживала настоящий бум железнодорожного строительства. Крымская катастрофа продемонстрировала, что транспортная система империи нуждается в серьезных реформах. Правительство, стремясь сделать систему коммуникаций более эффективной, давало новые возможности частным инвесторам и предоставляло большие субсидии. Мир честолюбивых и предприимчивых «железнодорожных

⁴⁵ Там же. С. 40.

⁴⁶ Кольшико И.И. Великий распад: Воспоминания / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. И.В. Лукоянова. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 117.

королей», поднявшихся с самых низов общества и наживших огромные капиталы, вызывал негативную реакцию современников⁴⁷. Коррупция, махинации и злоупотребления при строительстве дорог имели небывалые масштабы, но и результаты были впечатляющими: с 1860 по 1880 год протяженность российских железнодорожных путей выросла более чем в семнадцать раз – с 1250 до 21 600 километров⁴⁸.

Репутация Вышнеградского, слывшего в столице беспринципным дельцом и человеком с темным прошлым, усиливала предубеждение против его ставленника. Хозяйка известного в Петербурге правомонархического салона записала в своем дневнике: «Витте – тоже сомнительная личность, уже одного достаточно, что он приятель Вышнеградского, вместе делали гешефты»⁴⁹. Накануне назначения Витте министром финансов императору Александру III поступило письмо, автор которого, повторяя расхожее мнение о взяточничестве Вышнеградского, с возмущением вопрошал: «Не сугубо ли грешно вручать ученику такого учителя [подчеркнуто в источнике. – Э.С.] продолжение [управления финансовым ведомством. – Э.С.]?»⁵⁰

Некоторые современники, напротив, признавали, что обвинения в корыстолюбии и стяжательстве в данном случае несправедливы. «Полагаю, что все знавшие хорошо С.Ю. Витте могут удостоверить, что никакие миллионы не могли заставить его покривить душой», – утверждал инженер путей сообщения Н.Н. Изнар⁵¹. Не менее осведомленный служащий Комитета министров Н.Н. Покровский отмечал в своих мемуарах: «Никогда и ни от кого из лиц, близко знавших С.Ю. Витте, я не слышал, чтобы он в какой-либо мере был нечестным человеком»⁵².

Сплетни о взяточничестве сановника были испытанным аргументом в бюрократической борьбе. В письме к редактору «Московских ведомостей» С.А. Петровскому влиятельный правый деятель В.А. Грингмут отмечал распространение слухов о взяточничестве Витте и Вышнеградского – слухов, которые появлялись «при каждом займе и при каждой конверсии»⁵³. По словам Петровского, Вышнеградский в свое время был этим очень озабочен.

В столице к Витте сразу же стали относиться как к выскочке, человеку из чуждой среды. Дополнительным фактором, побуждавшим воспринимать министра в подобном качестве, были особенности его внешности и манер, сразу бросающиеся в глаза. Один из его сотрудников вспоминал: «На первых порах поражала прежде всего внешность Витте: высокая статура, грузная поступь, развалистая посадка, неуклюжесть, сипловатый голос; неправильное произношение с южнорусскими особенностями: ходатайство, верства, учёбный, плацформа, сельские хозяева – резали утонченное петербургское ухо. Не нравилась фамильярность или резкость в обращении»⁵⁴.

Министр иностранных дел в 1906–1910 годах А.П. Извольский, привыкший к чистому русскому языку двух столиц, вспоминал: «Что всегда производило на меня неприятное впечатление, это его голос, который звучал очень резко, и особенно его произношение, усвоенное им в юности, когда он жил в Одессе. <...> Это произношение, которое было для него обычным явле-

⁴⁷ См. главу о «железнодорожных королях» Поляковых в монографии: *Ананьич Б.В.* Банкирские дома в России. 1860–1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства. 2-е изд., испр. и доп. М.: РОССПЭН, 2006. С. 99–148.

⁴⁸ *Верховской В.М.* Исторический очерк развития железных дорог в России. СПб., 1899. Т. 2. С. 593. Цит. по: *Схиммельпеншик ван дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией / Авторизов. пер. с англ. Н. Мишаковой. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 109.

⁴⁹ *Богданович А.В.* Три последних самодержца: Дневник. М.: Новости, 1990. С. 176. Гешефт – сделка, спекуляция.

⁵⁰ Письмо неустановленного лица (подпись «Старый гвардеец») Александру III с возражением против назначения С.Ю. Витте министром финансов // РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 882. Л. 2 об.

⁵¹ *Изнар Н.Н.* Записки инженера // Вопросы истории. 2004. № 4. С. 94.

⁵² *Покровский Н.Н.* Воспоминания о Комитете министров в 90-е годы // Исторический архив. 2002. № 2. С. 195.

⁵³ В.А. Грингмут – С.А. Петровскому. Б.д. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки [далее – ОР РГБ]. Ф. 224. Оп. 1. Д. 39. Л. 17–17 об.

⁵⁴ *Ковалевский В.И.* Из воспоминаний о графе Сергее Юльевиче Витте // Русское прошлое. 1991. № 2. С. 57.

нием, чрезвычайно резало ухо...»⁵⁵ Вульгарность и грамматические ошибки речи Витте признавали многие знакомые с ним журналисты, в том числе Л.М. Клячко-Львов, И.И. Колышко, А.В. Руманов.

Некоторые привычки сановника казались столичному обществу и вовсе экзотичными. А.С. Суворин в переписке с В.В. Розановым передавал разговоры о министре: «Витте, я слышал, преспокойно может забыть, что у него не переменены (за неделю, должно быть) носки, и проходить две недели в грязных носках»⁵⁶. По воспоминаниям одного из литературных сотрудников Сергея Юльевича – а этот сотрудник относился к министру с явной симпатией – тот за столом вел себя достаточно непринужденно. На дипломатическом приеме Витте увлекся беседой и не заметил, что его тарелку унесли (он ел цыплят): «Не смутившись ни на секунду, он швырнул косточку под стол и как ни в чем не бывало продолжал беседу...»⁵⁷

Резкость и угловатость манер, отсутствие внешнего лоска, порой даже грубость речи производили сильное впечатление. Государственный секретарь А.А. Половцов с неприязнью отметил в своем дневнике: у нового министра «такие ухватки, что и в дворницкую едва пустить можно»⁵⁸. Отзыв генеральши Богданович о Витте был немногим благоприятнее: «...похож скорее на купца, чем на чиновника»⁵⁹.

Других же он подкупал своей естественностью, безыскусственностью и отсутствием чиновничьего подобострастия. В.П. Мещерский, издатель влиятельной столичной газеты «Гражданин», в салоне которого часто бывал Сергей Юльевич, отмечал: «В черном сюртуке, развязный и свободный в своей речи и в каждом своем действии, он мне напомнил наружностью английского государственного человека»⁶⁰.

Так или иначе, для многих было очевидно, что в сановнике, которого они видели перед собой, «не было ничего от бюрократического штампа»⁶¹, что перед ними – «самодержавный делец»⁶², «крупный делец государственного масштаба»⁶³, человек реальности и дела⁶⁴, который своим внешним обликом скорее похож на предпринимателя, чем на главу министерства. Называли его и «министром в пиджаке» (а не в мундире)⁶⁵, отмечая пренебрежение условностями и демократичное отношение к подчиненным. Отличительные черты министра финансов, выдающие в нем представителя делового мира, существенно влияли на его репутацию.

Как утверждали знавшие Витте люди, он стеснялся своего неродовитого происхождения и «заметно льнул к аристократическим верхам»⁶⁶. Министр особенно любил подчеркнуть, что по материнской линии происходит из древнего княжеского рода Долгоруких. В кабинете Витте в его особняке на Каменноостровском проспекте вся стена была увешана портретами предков со стороны матери. Один из близко знакомых с Витте журналистов вспоминал впоследствии: «Об этих “предках” он мог говорить часами, и нельзя было доставить ему большего удоволь-

⁵⁵ *Извольский А.П.* Воспоминания. М.: Международные отношения, 1989. С. 86.

⁵⁶ Письма А.С. Суворина – В.В. Розанову. С портретом умирающего А.С. Суворина (неизданная фототипия). СПб.: Типография товарищества А.С. Суворина, 1913. С. 13.

⁵⁷ *Руманов А.В.* Штрихи к портретам: Витте, Распутин и другие // *Время и мы.* Нью-Йорк, 1987. № 95. С. 221.

⁵⁸ *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. / Предисл. Л.Г. Захаровой. М.: Центрполиграф, 2005. Т. II. 1887–1892. С. 470.

⁵⁹ *Богданович А.В.* Три последних самодержца. С. 102.

⁶⁰ *Мещерский В.П.* Мои воспоминания. 2-е изд. М.: Захаров, 2003. С. 800.

⁶¹ *Руманов А.В.* Штрихи к портретам. С. 216.

⁶² *Тхоржевский И.И.* Последний Петербург: Воспоминания камергера. СПб.: Алетей, 1999. С. 52.

⁶³ *Львов Н.Н.* С.Ю. Витте и П.А. Столыпин // *Возрождение.* Париж, 1927. 17 декабря.

⁶⁴ *Соколовский М.К.* Научные и литературные встречи. 1897–1917 // Российский государственный архив литературы и искусства [далее – РГАЛИ]. Ф. 442. Оп. 1. Д. 15. Л. 68.

⁶⁵ *Амфитеатров А.В.* Жизнь человека, неудобного для себя и для многих: В 2 т. / Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. А.И. Рейтблата. М.: Новое литературное обозрение, 2004. Т. 1. С. 225.

⁶⁶ *Путилов А.С.* Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 217. Л. 162.

ствия, как спросить, в каком он родстве с Михаилом Черниговским (из Долгоруких), умученным в Орде. Витте немедленно устремлялся к портретной стене и начинал с увлечением объяснять генеалогию Долгоруких»⁶⁷.

В воспоминаниях о своей родословной министр скупно писал о предках со стороны отца, зато много внимания уделял родственникам матери. Витте-мемуарист хотел убедить потомков, что происходит не из малоизвестного обрусевшего немецкого рода (родственники отца Сергея Юльевича выслужили себе дворянство лишь во второй половине XIX века), а от Рюриковичей. Сановник сделал все возможное, чтобы соответствующие сведения о его семье попали в солидные справочные издания. В частности, статья для словаря «Гранат» была написана в 1911 году П.Н. Милюковым по материалам, предоставленным ему лично Витте. Данные о происхождении министра, указанные в словаре Брокгауза и Ефрона, не противоречат его мемуарам⁶⁸.

В обществе это было хорошо известно. В одном из номеров черносотенного листка «Русская Виттова пляска» в 1906 году была помещена сценка, где в качестве анонимного министра был выведен Витте. И, хотя имя Сергея Юльевича не указывалось, из общего смысла статьи понятно, что подразумевался он. Сценка воспроизводила интервью «сановника» репортеру одной из газет. Репортер, рассматривая портреты на стене кабинета, спрашивал:

А чей это портрет, ваше сиятельство?

Сановник. Моего пращура – с материнской стороны. Я с материнской стороны происхожу из княжеского рода, и напрасно думают, что будто я из жидов. Вот вздор. Вот этот портрет доказывает...

Репортер. А с отцовской?

Сановник. С отцовской у меня ни деда, ни прадеда, ни отца не было. Один только дядя и тот двоюродный. Об этом писать, впрочем, нечего⁶⁹.

Сатирический жанр статьи, отсутствие имен свидетельствуют об известности обыгрываемого в ней сюжета в обществе, ведь для того, чтобы какой-то факт стал предметом осмеяния, он должен быть хорошо понятен читателю.

Появление провинциального управляющего в высших сферах столицы не было случайностью: оно соответствовало изменению социального состава российского государственно-бюрократического аппарата. Прежде главными критериями при назначении чиновника на министерский пост считались дворянское происхождение, приверженность официальным взглядам, опыт канцелярской работы. Однако под влиянием реформ 1860-х годов главами ведомств нередко стали назначать людей, имевших опыт практической созидательной работы. Знатность же происхождения со временем перестала быть определяющим критерием. При этом такие сановники, «министры-специалисты», своей предыдущей карьерой были связаны если не с тем же министерством, то по крайней мере со сходной отраслью управления. Жизненный опыт, профиль образования, стиль управления у министров, формировавшихся на государственной службе, и у их коллег, приходивших на высшие посты из научных или предпринимательских кругов, существенно различались. По подсчетам исследователей, в конце XIX века «специалисты» составляли 75 % от общего числа министров. Примерно столько же среди сановников было тех, кто родился в провинции⁷⁰.

Как и другие «специалисты», Витте не был родовитым аристократом, но он заметно выделялся в столичном обществе: внешний облик и манеры министра за долгие годы не претерпели существенных изменений. Близко знавший сановника публицист И.И. Кольшко полагал, что Витте на своем посту «от первого до последнего дня все так же коробил и шоки-

⁶⁷ Руманов А.В. Штрихи к портретам. С. 220.

⁶⁸ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. С.Ю. Витте и его время. С. 9.

⁶⁹ Утро сановника. Сцена в наши дни из нашей жизни // Русская Виттова пляска. 1906. Февраль. № 4. С. 2.

⁷⁰ Раскин Д.И. Специализация высшей российской бюрократии XIX – начала XX веков: образование, профессиональный опыт, продвижение по службе // Из глубины времен. СПб., 1994. Вып. 3. С. 38.

ровал своих коллег». Публицист утверждал, что «сгущенная виттовская индивидуальность», «запах» Витте» во всех начинаниях оказывал на окружающих гнетущее впечатление⁷¹. Воспоминания Кольшко – крайне пристрастный источник, но подобного мнения о Сергее Юльевиче придерживались многие знакомые с ним люди.

Один из сотрудников Витте в Министерстве финансов отмечал, что его шеф «сохранил навсегда хватки и приемы, резко детонировавшие в окружавшей его среде»⁷². Примечательны воспоминания Н.Н. Львова, предводителя дворянства Саратовской губернии, одного из представителей кадетской партии. Львов описал свои впечатления от внешнего облика Витте следующим образом: «Он [Витте. – Э.С.] выглядел какимто провинциальным управляющим банковской конторы, какие встречаются в наших южных торговых городах, и всего менее сановником и министром Александра III»⁷³. Это мемуарное свидетельство интересно тем, что Львов впервые увидел знаменитого министра в 1906 году, т. е. уже после его отставки: выходит, светские манеры и внешняя импозантность так и не стали чертами, присущими Витте.

Важной характеристикой при оценке нового министра было резкое противоречие между его способностями и моральными качествами. А.А. Половцов, наблюдавший на собственном веку немало бюрократических карьер, так описал свое первое впечатление от нового чиновника: «По-видимому, очень умен, сдержан, будет полезен в своем ведомстве, но в смысле честности, добросовестности не внушает никакого доверия»⁷⁴. Этот мотив был необычайно силен при оценке знаменитого министра: «В Витте при личном общении всегда поражала казавшаяся невероятной смесь невежественного, вульгарного обывателя – и гениального дельца огромного калибра и силы...» – вспоминал камергер царского двора И.И. Тхоржевский⁷⁵.

По мнению современников, Витте недоставало твердых нравственных принципов и четкой политической позиции. Его склонность к интригам и стремление к расширению сферы своего влияния заставляли многих считать, что поступки этого государственного деятеля диктовались исключительно его честолюбием. Давний недоброжелатель Сергея Юльевича – А.А. Лопухин, бывший директор Департамента полиции, отмечал в воспоминаниях: «Бюрократический Петербург хорошо знал С.Ю. Витте и характеризовал его всегда так: большой ум, крайнее невежество, беспринципность и карьеризм»⁷⁶. А.В. Богданович высказала мнение многих, заметив, что «Витте не лгун, Витте – отец лжи»⁷⁷. Один из видных столичных чиновников вспоминал: «Петербургцы перекрестили его [Витте. – Э.С.] в “Сергея Жульевича”: репутации доки и ловкача за ним не отрицал никто»⁷⁸.

Крайняя поляризованность и пристрастность мнений всегда присутствовали в оценке Витте: иногда одно и то же событие в глазах людей могло расцениваться и как подтверждение ума и способностей этого государственного деятеля, и как его лукавство и хитрость. В 1896 году в Нижнем Новгороде была организована Всероссийская промышленная и художественная выставка, ее должен был лично посетить Николай II. Инициатор выставки – Витте – перед посещением царем павильона Д.И. Менделеева с продуктами химической промышленности спросил у ученого, о чем тот собирается рассказывать. Внимательно выслушав Дмитрия Ивановича, министр финансов пообещал представить его императору и дать время для доклада. Витте действительно представил Менделеева царской чете, но только после того, как

⁷¹ Кольшко И.И. Великий распад. С. 161.

⁷² Путилов А.С. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 217. Л. 13.

⁷³ Львов Н.Н. С.Ю. Витте и П.А. Столыпин.

⁷⁴ Половцов А.А. Дневник государственного секретаря. Т. II. С. 453.

⁷⁵ Тхоржевский И.И. Последний Петербург. С. 77.

⁷⁶ Лопухин А.А. Отрывки из воспоминаний. (По поводу «Воспоминаний» гр[афа] С.Ю. Витте.) М.; Пг.: Государственное издательство, 1923. С. 4.

⁷⁷ Богданович А.В. Три последних самодержца. С. 302.

⁷⁸ Тхоржевский И.И. Последний Петербург. С. 54.

сам слово в слово пересказал царю только что услышанное. По воспоминаниям одного из журналистов, освещавших выставку, Менделеев воскликнул: «Ну и мастер! Ну и память! Нет, вы послушайте: ведь полчаса тому назад он не знал аза в глаза, а теперь так и режет... хоть бы запнулся!.. так и режет!»⁷⁹ В данной трактовке этот эпизод скорее свидетельствовал о выдающихся талантах министра, его умении быстро вникать даже в самые сложные вопросы.

Совершенно иная интерпретация этого сюжета содержится в воспоминаниях чиновника В.А. Рышкова: «Когда государь и Витте удалились, он [Менделеев. – Э.С.] сказал окружающим: “А? Каков Витте? Настоящий министр финансов, даже в мелочах не может удержаться, чтоб не сжульничать!”» По мнению Рышкова, этот эпизод ярко характеризовал Витте именно как главу финансового ведомства: жульничество было его второй натурой⁸⁰.

При несомненных громадных способностях и профессиональной компетентности, у министра были серьезные пробелы в образовании. Один из самых талантливых и противоречивых публицистов эпохи, В.В. Розанов, замечал:

Грустную сторону Витте составляет то, что он вовсе не интеллигентен. Именно: как математик (по образованию) и финансист (по призванию). Это вещи вовсе не идейные, не духовные. Витте вовсе не духовен. <...> Вероятно, он даже «Птички Божией» Пушкина не читал никогда или забыл, что она есть; и едва ли он мог бы, не заснув, прочитать хотя одну страницу из Паскаля, Канта, Эмерсона или Рёскина. Точно философия и поэзия не рождались при нем или он не рождался при поэзии и философии. «Не заметили друг друга». Это вполне в нем отвратительно. <...> Нельзя было 15 лет не восхищаться [его умом и энергией. – Э.С.]. Все время прибавляя в душе:

– Ах, если бы он был и образован. Развита, духовен.

Но этого не было⁸¹.

В глазах Розанова, как и многих других представителей образованной публики, этот недостаток был значимым. Суждения об односторонности образования министра финансов, его слабом владении французским языком, недостаточном знакомстве с мировой художественной литературой и историей, малой начитанности вне своей специальности стали общим местом при оценке сановника⁸².

Практически сразу после вступления Витте в должность министра финансов стали отмечать, что его влияние в правительстве резко и неуклонно возрастает. Уже в 1894 году Суворин писал в «Новом времени»: «Министр финансов сделался первым министром по значению и по влиянию на других министров <...> есть общая политика правительства, которая не может быть поглощена политикой Министерства финансов». По мнению издателя, это произошло независимо от Витте: «...личность министра может сделать такой порядок только более определенным»⁸³.

Некоторые же объясняли этот факт личными качествами Витте, его властностью. «Как только граф Витте сделался министром финансов, – писал министр иностранных дел в 1906–1910 годах А.П. Извольский, – он сейчас же обнаружил явную склонность доминировать над

⁷⁹ Амфитеатров А.В. Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. Т. 1. С. 229–230.

⁸⁰ Рышков В.А. Воспоминания незаметного человека / Публ. Н.А. Прозоровой // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 2003–2004 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 380–381.

⁸¹ Варварин В. [Розанов В.В.] Витте и Победоносцев // РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 736. Л. 183 об. Статья цитируется по архивному делу в РГИА, составленному из подшивок периодических изданий. К сожалению, пока не удалось обнаружить, где она изначально была опубликована. Из общего смысла статьи понятно, что Розанов написал ее уже после отставки С.Ю. Витте, т. е. позднее 1906 года.

⁸² Ср., например: Шванебах П.Х. Граф Витте и переворот (заметки очевидца). Цит. по: «Никогда еще он не говорил так откровенно со мною»: Воспоминания М.М. Ковалевского о встречах с С.Ю. Витте накануне роспуска II Государственной думы. 1907 г. // Исторический архив. 2010. № 5. Примеч. 4. С. 136; Урусов С.Д. Записки. С. 614.

⁸³ Суворин А.С. Маленькое письмо // Новое время. 1894. 17 декабря.

другими членами кабинета и стал *de facto*, если не *de jure*, действительным главой русского правительства»⁸⁴.

Были и те, кто полагал, что Витте умело воспользовался полномочиями, которые дал ему его пост, и обратил это положение в свою пользу в у году собственному честолюбию. «Главной задачей каждого ведомства, – утверждал один из организаторов концессий на реке Ялу, приведших к Русско-японской войне, и влиятельный противник Сергея Юльевича В.М. Вонлярлярский, – было ладить с министром финансов, чтоб получить желательные для ведомства кредиты по государственному бюджету. С.Ю. Витте прекрасно учел это положение и из министра финансов легко создал положение хозяина всей экономической жизни России или, вернее, безответственного экономического диктатора»⁸⁵.

В то же время личные качества, выдающие в нем человека, чуждого столичным условностям и традициям, самобытность и индивидуальность были в глазах многих его силой. «Все же надо признать, – писал видный представитель бюрократии С.Д. Урусов, – С.Ю. Витте внес в министерскую деятельность свои собственные приемы, свежесть провинциала, не стеснявшегося традициями, свежесть и бесцеремонность *homo novus*, некоторый азарт счастливого игрока – словом, всколыхнул ингерманландское болото»⁸⁶.

Несмотря на отталкивающие и противоречивые черты Витте, на фоне других бюрократов он представлялся особенной фигурой. При широко распространенном в российском обществе негативном отношении к чиновничеству, состоявшему, по общему мнению, «либо из идиотов, либо из мошенников»⁸⁷, Витте в глазах многих всегда оказывался на порядок выше других, хотя его и оценивали подчас как «одноглазого среди слепых»⁸⁸. Близко знакомый с министром граф С.Д. Шереметев считал Витте незаурядным человеком, но бывал иногда шокирован сочетанием в нем самых несовместимых черт: «Неужели никогда не выяснится для меня истинная сущность (начинка) этого удивительного, ошеломляющего человека, с его сочетанием противоречивых оказательств [проявлений. – *Примеч. ред.*], то отталкивающих, то невольно захватывающих вас какую-то особой, словно магической силою... “Чур меня”, – хотелось бы иногда сказать»⁸⁹. Эти суждения о министре финансов были обусловлены тем, что российское общество невысоко ценило качество столичной бюрократической элиты. «Мы были бы и смиреннее, и умнее, будь наши государственные люди талантливы, как, например, в Англии. Но – государственных талантов у нас нет. И вот мы поднимаем на щитах даже такого, как Витте», – заявлял в частном письме один из представителей общества⁹⁰.

Таким образом, деловой мир, в котором с молодости вращался С.Ю. Витте, закрепил в нем до конца жизни те личностные качества, которые самым непосредственным образом влияли на его репутацию. Биография министра напрямую определяла его репрезентацию: он стал воплощением «самодержавного дельца», носителем нового, капиталистического образа мыслей и действий.

⁸⁴ Извольский А.П. Воспоминания. С. 89.

⁸⁵ Вонлярлярский В.М. Мои воспоминания, 1852–1939. Берлин: Русское национальное издательство, [1939]. С. 124.

⁸⁶ Урусов С.Д. Записки. С. 614.

⁸⁷ Дневник В.М. Голицына // ОР РГБ. Ф. 75. Кн. 21. Л. 41.

⁸⁸ Маковицкий Д.П. У Толстого. 1904–1910: «Яснополянские записки»: В 5 кн. / Ред. изд. С.А. Макашин, М.Б. Храпченко, Л.Р. Ланский и др.; гл. ред. В.Р. Щербина. М.: Наука, 1979. Кн. 1. 1904–1905. С. 330.

⁸⁹ Дневниковые записи С.Д. Шереметева об С.Ю. Витте / Подгот. публ. Л.И. Шохин // Отечественная история. 1998. № 2. С. 157–158.

⁹⁰ Коллекция С.М. Вяземского // Центральный государственный архив литературы и искусства [далее – ЦГАЛИ]. Ф. 118. Оп. 1. Д. 530. Л. 25.

1.2. Министр финансов и его политика на страницах периодической печати

Должность министра финансов в конце XIX века была не только ключевой, но и, несомненно, одной из самых сложных в правительстве. Российская империя стояла перед серьезными вызовами: дефицит бюджета, огромный внешний долг, бедность и земельная неустроенность крестьянства (основной податной массы населения). Положение осложнялось и внешними факторами, которые Россия не могла игнорировать. Недавнее объединение Германии и Русско-турецкие войны ясно демонстрировали, что страна со слабой экономикой и неразвитой национальной промышленностью не может рассчитывать на военное превосходство в случаях международных конфликтов.

Россия в начале XX века оставалась преимущественно крестьянской, патриархально-земледельческой страной. Это было особенно заметно во внешней торговле: примерно половину экспортного дохода империи составляли продажи зерна, а фактически всю вторую половину обеспечивали природные ресурсы. В ходу была поговорка: «Настоящий министр финансов в России – это урожай»⁹¹. Новый глава финансового ведомства понимал: чтобы Россия могла оставаться великой державой, правительство должно пойти на серьезные реформы.

В необходимости глубоких реформ в экономической и социально-политической жизни России в последнее десятилетие XIX века были убеждены и представители периодической печати, как консервативной, так и либеральной. На страницах прессы Витте выступал как исключительно энергичный чиновник, чьи опыт и навыки управления станут важным подспорьем в решении стоящих перед ним сложных задач. Прежде всего его рассматривали в качестве министра-практика.

Среди газет начала XX века выделялось «Новое время» – своим качеством, высокой степенью влияния и информативностью. «Новое время» было в числе немногих изданий, которые читал император, поэтому позиция газеты могла повлиять на карьеру даже самого высокопоставленного бюрократа. Хотя редактор «Нового времени», А.С. Суворин, рассматривал свою газету как «парламент мнений», за ней закрепилась репутация «неофициального официоза»⁹². Благодаря родству с известным славянофильским писателем Р.А. Фадеевым Витте установил хорошие отношения с издателем «Нового времени». О том, что к моменту появления Сергея Юльевича в Петербурге в 1889 году они с Сувориным были знакомы, свидетельствует их переписка⁹³. Еще в 1870-х годах Витте поместил в «Новом времени» две свои статьи⁹⁴. Министр регулярно читал газету и относился к ней с большим вниманием⁹⁵.

Сотрудники «Нового времени» были готовы оправдать многие недостатки Витте масштабом стоящих перед ним задач⁹⁶. М.О. Меньшиков, отвечая в одной из своих статей на поток обвинений в адрес Витте, заключавшихся в том, что цена его реформ слишком высока, утверждал: «Что народу очень тяжело, это бесспорно. Но оттого ли, спрошу я, что правительством предприняты грандиозные планы? Или оттого, что они предприняты слишком поздно? <...> Планы г. Витте ничем не шире страны, для которой предложены. <...> Мне кажется, решительной заслугой С.Ю. Витте следует счесть то, что он вместе с Вышнеградским увидел истин-

⁹¹ Цит. по: *Схиммельпенишк ван дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему солнцу. С. 111.

⁹² *Боханов А.Н.* Буржуазная пресса и крупный капитал конца XIX в. – 1914 г. М.: Наука, 1984. С. 46.

⁹³ Письма С.Ю. Витте – А.С. Суворину // РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 719. Л. 3–6 об.

⁹⁴ *Динерштейн Е.А.* А.С. Суворин: Человек, сделавший карьеру. М.: РОССПЭН, 1998. С. 97.

⁹⁵ Письма С.Ю. Витте – А.С. Суворину // РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 719. Л. 18, 29, 68, 117 и т. д.

⁹⁶ См. подробнее об этом: *Лукоянов И.В.* Публицисты «Нового времени» и проблема реформ в России (середина 1890-х гг. XIX в. – 1905 г.) // Экономические и социально-политические проблемы отечественной истории: Сб. трудов. М.; СПб.: Институт российской истории РАН, 1992. С. 119–141.

ные размеры России. Недаром оба министра – математики»⁹⁷. В одном из своих «Маленьких писем» 1893 года А.С. Суворин отметил Витте как представителя нового в российской политике направления – «юго-западничества», намекнув на связь министра с Киевом и большой опыт частной службы. По определению Суворина, это направление характеризовалось «прямо жизненными задачами, не идеями, не теориями, а практикою идей, приложением их к жизни и известною смелостью»⁹⁸.

Вместе с тем отношения «Нового времени» и министра финансов были неоднозначными. Благодаря помощи Витте контрагентство Суворина стало фактически монополистом по продаже печатной продукции на Варшавской железной дороге⁹⁹. Алексей Сергеевич далеко не во всем был согласен с политикой Витте (издатель был противником девальвации и широкого привлечения иностранных капиталов). Но при этом он считал министра «одним из даровитейших людей» эпохи¹⁰⁰.

Деловая газета «Биржевые ведомости» пользовалась в 1890-е годы популярностью и выражала взгляды либерально настроенной части общества. Известный журналист А.Е. Кауфман вспоминал: «Подписчиками 16-рублевой газеты [имеется в виду цена годовой подписки. – Э.С.] являлись почти исключительно банковские и промышленные деятели: одно название ее, не говоря уж о высокой подписной плате, мешало ее проникновению в широкие массы»¹⁰¹. С 1893 года для расширения аудитории «Биржевые ведомости» стали выходить во втором издании, рассчитанном на массового читателя. Как утверждал старейший сотрудник газеты И.И. Ясинский, это было сделано с помощью министра финансов Витте – для того, чтобы со страниц издания пропагандировать те или иные мероприятия финансового ведомства¹⁰².

Сергей Юльевич и редактор газеты С.М. Проппер были близко знакомы, благодаря протекции Витте Проппер получил чин советника коммерции¹⁰³. На страницах газеты Витте представлял энергичным и деловитым министром, чьи личные качества и инициатива были главным условием успешности преобразований. Так, на протяжении 1895 года, когда проводимая министром реформа денежного обращения стала предметом острых дискуссий в обществе, в «Биржевых ведомостях» неоднократно подчеркивалось, что министр имеет необходимый багаж теоретических знаний в своей области, а сама реформа хорошо продумана и подготовлена¹⁰⁴.

⁹⁷ *Меньшиков М.О.* Письма к ближним: Большое плавание // Новое время. 1903. 24 августа.

⁹⁸ *Суворин А.С.* Маленькое письмо // Там же. 1893. 13 января.

⁹⁹ Дневник Алексея Сергеевича Суворина / [Текстол. расшифровка Н. Роскиной; подгот. текста Д. Рейфилда, О. Макаровой]. 2-е изд., испр. и доп. London; М.: The Garnett Press – Независимая газета, 2000. С. 215.

¹⁰⁰ *Суворин А.С.* Маленькое письмо // Новое время. 1898. 18 ноября.

¹⁰¹ Цит. по: *Соница Е.С.* Петербургская универсальная газета конца XIX века. С. 163.

¹⁰² *Ясинский И.И.* Роман моей жизни. Книга воспоминаний: В 2 т. / Сост. Т.В. Мисникевич и Л.Л. Пильд. М.: Новое литературное обозрение, 2010. Т. 1. С. 278.

¹⁰³ *Боханов А.Н.* Буржуазная пресса и крупный капитал. С. 40.

¹⁰⁴ *Самонов С.В.* «Бывал буквально на кресте распят...» С. 49–50.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.